

В.К. Михеев

Харьков

Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий

За последние четверть века ушедшего столетия в области полевой и теоретической археологии были достигнуты определённые успехи, отмеченные раскопками целого ряда превосходных памятников на Северо-Западной окраине Хазарского каганата и обобщающими трудами по самым различным вопросам хазароведения. Из них едва ли не главные принадлежат В. Аксенову, Г. Афанасьеву, С. Плетнёвой, В. Флёрову и автору этой публикации.

В настоящее время представляется очевидной широкая распространённость в Юго-Восточной Европе салтовской археологической культуры, созданной различными народами, входящими в состав Хазарского каганата во второй половине VIII – первой половине X вв. Важность изучения её связана с общей проблемой оседания кочевников на землю - седентаризацией, если иметь в виду международный термин, служащий для обозначения этого явления, а также целым рядом других вопросов, имеющих непосредственное отношение к Хазарскому каганату: характером этнокультурной среды, экономики, социальной жизни, политической истории и идеологии.

История полевых исследований салтовской культуры в целом или по отдельным районам её распространения неоднократно освещалась в специальных историографических разделах обобщающих монографий, диссертаций и отдельных статьях, что снимает с нас необходимость подробно излагать эту сторону дела.

В данной статье речь пойдет о самой Северо-Западной окраине Хазарского государства, его границе, отмеченной бассейном р. Северский Донец, там, где население каганата соприкасалось со славянами.

Жизнь и деятельность населения салтовской культуры в нижнем и среднем Подонье развивалась на фоне тех природно-климатических условий, которые характерны для этой области. В экологическом и историко-культурном отношении Подонье представляет собой часть восточно-европейского региона, промежуточную между днепровской и волго-уральской, находящуюся на границе двух географических зон: степной и лесостепной. Основная водная артерия Северо-Восточного Причерноморья – р. Дон, имеющая большое значение для экономики края, протянулась на 1980 км, принимает более 30-ти крупных притоков среди которых самым большим по длине (около 1016 км) является Северский Донец, в географическом отношении делящийся на верхнее течение (от истоков до г. Изюма), среднее (до ст. Гундоровской) и нижнее (от ст. Гундоровской до устья). Северский Донец и другие крупные притоки Дона первого порядка вместе с более мелкими второго и т.д. порядка образуют систему древовидного типа. Реки разливаются в половодье на значительные про-

странства, превращая берега в прекрасные луга. Эти пространства, на короткое время заливаемые водой, составляют огромные площади земельных угодий. Существующая во времена хазар континентальность климата не препятствовала образованию небольших водоемов в виде озер и лиманов, в результате чего поверхность пойм покрывалась травами, пригодными для выпаса скота и сенокоса. Это открывало широкие возможности для развития скотоводства.

В геополитическом смысле бассейн верхнего течения Северского Донца входил в состав Северо-Западной Хазарии и был занят населением, оставившим после себя памятники салтовской археологической культуры, для чего существует ряд признаков, выделенных в различное время И. Ляпушкиным, С. Плетнёвой и Г. Афанасьевым.

Ещё недавно известный хазаровед и исследовательница салтовских памятников С. Плетнёва отмечала, что могильники в бассейне Северского Донца – бескурганые, что затрудняет их обнаружение, и именно поэтому в верхнем Подонье известно всего 13 могильников [Плетнёва 1989, 10]. Действительно, плохую изученность салтовских бескурганых могильников можно объяснить в первую очередь отсутствием внешних признаков, что делает почти невозможным их обнаружение археологическими разведками, поэтому сведения о них накапливаются очень медленно. Достаточно отметить, что в фундаментальных на своё время сводках археологических памятников И. Ляпушкина в бассейне верхнего течения Северского Донца отмечено всего 5 - 6 могильников [Ляпушкин 1958, 197-214; Ляпушкин 1961, рис. 26]. Не большее количество их было зафиксировано в те же 50 - 60-е годы С. Плетнёвой, проводившей специальное обследование указанной территории [Плетнёва 1960, 6, рис. 2; Плетнёва 1967, 192-193]. На карте основных памятников V – X вв. Б. Шрамко отметил в верховье реки всего 4 могильника [Шрамко 1962, 295, рис. 114], и только после 15-ти летних исследований харьковских археологов количество могильников салтовской культуры увеличилось до 14-ти, что нашло отражение в справочнике по археологии Украины, вышедшем в 1977 г. [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова 1977]. Новые поиски привели к тому, что в середине 80-х годов удалось зафиксировать более 30-ти могильников и отдельных погребений различных типов. Из этого количества могильников 13 были включены в наиболее полную сводку памятников салтовской культуры, составленную Г. Афанасьевым, т. к. они находились на территории лесостепного варианта - объекта монографического исследования ученого [Афанасьев 1987, 168-174].

В настоящее время в Подонье-Приазовье благодаря усилиям многих археологов обнаружено более 80-ти могильников и отдельных погребений и более трети из них находятся в бассейне верхнего течения Северского Донца. Среди них различаются могильники с трупоположениями и трупосожжениями (Рис. 1). Для каждого из могильников характерны свои признаки. Так, однообрядовыми (катакомбы с трупоположениями) выглядят могильники у с. Старый Салтов и Рубежное, двубрядовым (катакомбы и ямы с трупоположениями) является эпонимный памятник салтовской культуры Верхне-Салтовский могильник, и многообрядовым (катакомбы и ямы с трупоположениями, трупосожжения в урнах) следует считать могильник у с. Дмитриевское. Целый ряд ямных могильников и отдельных погребений отличается однообрядностью – трупоположениями. Хорошо исследованные из них расположены у с. Червоная Гусаровка и Нетайловка. Смешанный обряд захоронения (трупоположение и трупосожжение в ямах) характерен для могильника у с. Пятницкое, и более сложный обряд (трупоположение, трупосожжение в ямах и урнах) демонстрирует могильник у с. Красная Горка. Редко встречаются ямные могилы с подбоем (Верхний

Салтов, Нетайловка, Балаклея). Выделяются и такие могильники, где трупосожжение находится только в ямах (Новая Покровка, Лысый Горб) или в ямах и урнах (Сухая Гомольша). В связи со всем этим следует заметить, что количество признаков погребального обряда может зависеть от степени исследованности памятника: чем он полнее раскопан, тем больше качественных признаков в нем присутствуют, что, однако, не исключает существования однообрядовых могильников.

Обратимся теперь более подробно к результатам полевых исследований последних лет и покажем тот археологический материал, который был накоплен не столько в рамках большой территории, каким несомненно является бассейн верхнего течения Северского Донца, но и в ограниченном пространстве. В этом отношении привлекает внимание участок длиной 42 км вдоль правого и левого берега реки, расположенный на границе степи и лесостепи. На нем имеется 7 могильников, 5 из которых исследовались стационарными раскопками (у с. Сухая Гомольша, Красная Горка, Червоная Гусаровка, г. Балаклеи и урочище Лысый Горб), и 2 случайно обнаруженных погребения.

Могильник у с. Сухая Гомольша, расположенный на правом берегу Северского Донца, раскопан полностью в 1973 - 1982 гг. Сведения о нем частично опубликованы [Михеев 1985, 8-10, 114; Михеев 1986, 158-173]. В общих чертах он характеризуется следующими признаками: 1. Наличием рва вокруг погребального поля площадью 5836 кв. м. 2. Местом сожжения на стороне в виде зольника, но рядом с ним. 3. Единым обрядом захоронения - трупосожжением, зафиксированным в 320 погребениях. 4. Шестью территориально обособленными группами погребений. 5. Все погребения составляют две не рааные в количественном отношении группы: урновые (177) и ямные (140). 6. В качестве урн использовалась бытовая посуда салтовской культуры, редко - раннесредневековые амфоры. 7. Для безурновых захоронений характерны три формы ям с неустойчивой ориентировкой: овальные, подпрямоугольные (прямоугольные с закругленными углами) и круглые. 8. Как в урнах, так и в ямах хоронили, как правило, останки одного умершего. 9. Существенной чертой могильника является наличие поминальных комплексов вещей, спрятанных в тайниках возле могил, в виде предметов вооружения, снаряжения коня, орудий труда, предметов быта (Рис. 3: 3, 4, 6, 9, 11, 15, 21; 4: 1 - 11, 14, 21 - 23, 25, 33).

Более сложным памятником представляется Красногорский могильник, в своей значительной части раскопанный в 1984 - 1994 гг. Краткая информация об исследованиях могильника была опубликована [Михеев 1990, 45 - 52]. На могильнике вскрыта площадь около 5000 м² и исследовано 310 погребений. Еще два захоронения по обряду трупоположения (№№311 и 312) были исследованы в 2001 г. в результате охранных работ на могильнике, проводившихся экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В. Аксенова [Аксенов 2002, 83 - 85]. Для погребального обряда характерны трупосожжения и трупоположения. Первых раскопано 121, вторых - 191. По способу захоронения выделяются трупоположения на спине на дне простых грунтовых ям и в деревянных гробах различной конструкции, а трупосожжения делятся на урновые и ямные. Захоронения имеют западную ориентировку с сезонными отклонениями. Показатели азимута свидетельствуют о большой частоте захоронений ранней весной или поздней осенью и особенно зимой. Каких-либо рядов могилы не образуют. Трупоположения расположены вперемешку с трупосожжениями, но обращает на себя внимание крайняя северная группа могил, состоящая преимущественно из трупосожжений.

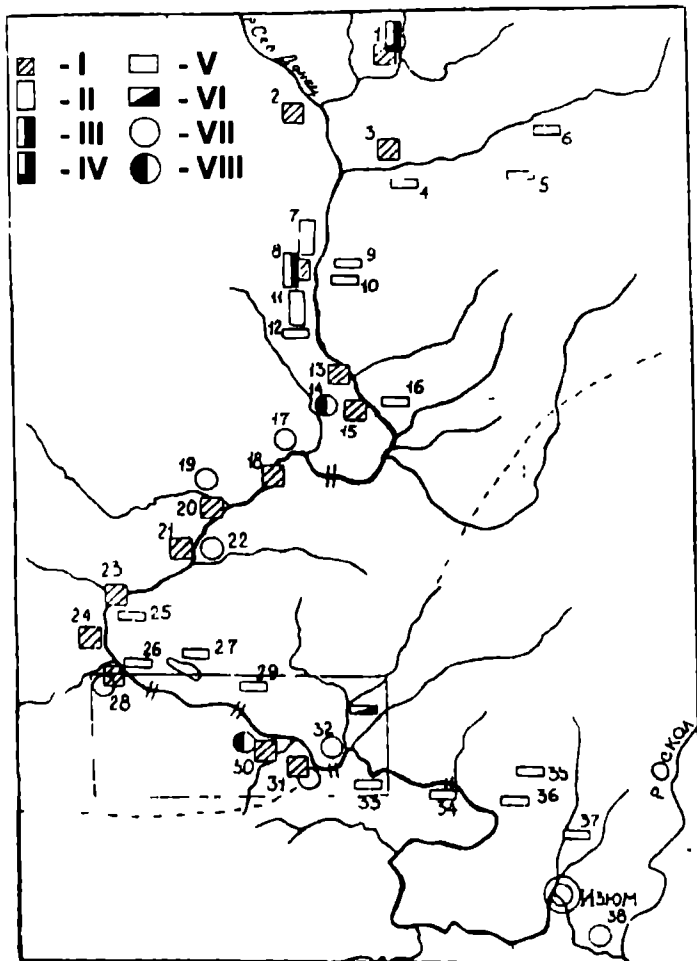

Рис. 1. Карта распространения памятников салтовской культуры в верховьях р. Северский Донец.

I - городища. II - катакомбные могильники. III - могильники с катакомбными грунтовыми захоронениями по обряду трупоположения. IV - могильники с катакомбными захоронениями по обряду трупоположения. V - могильники и отдельные могилы в грунтовых захоронениях с трупоположениями. VI - грунтовые могильники с обрядом трупоположения и трупосожжения. VII - могильники с обрядом трупосожжения. VIII - могильники с обрядом трупосожжения и трупоположения. 1 - Дмитриевка, 2 - Архангельское, 3 - Волчанск, 4 - Бочково, 5 - Захаровка, 6 - Варваровка, 7 - Рубежное, 8 - Верхний Салтов, 9 - Нетайловка, 10 - Петровское, 11-12 - Старый Салтов, 13 - Кодковское, 14 - Пятницкое, 15 - Гумнина, 16 - Хотомля, 17 - Кочеток, 18 - Чугуев, 19 - Новая Покровка, 20 - Эсхар, 21-22 - Мохнач, 23 - Змиев, 24 - Коробовы Хутора, 25 - «Карьер», 26, 28 - Сухая Гомольша, 27 - Лиман, 29 - Андреевка, 30 - Красная Горка, 31 - Червоня Гусаровка, 32 - Лысый Горб, 33 - Залиман, 34 - Бугаевка, 35 - Кунье, 36 - Лысогорка, 37 - Липчановка, 38 - Бондариха.

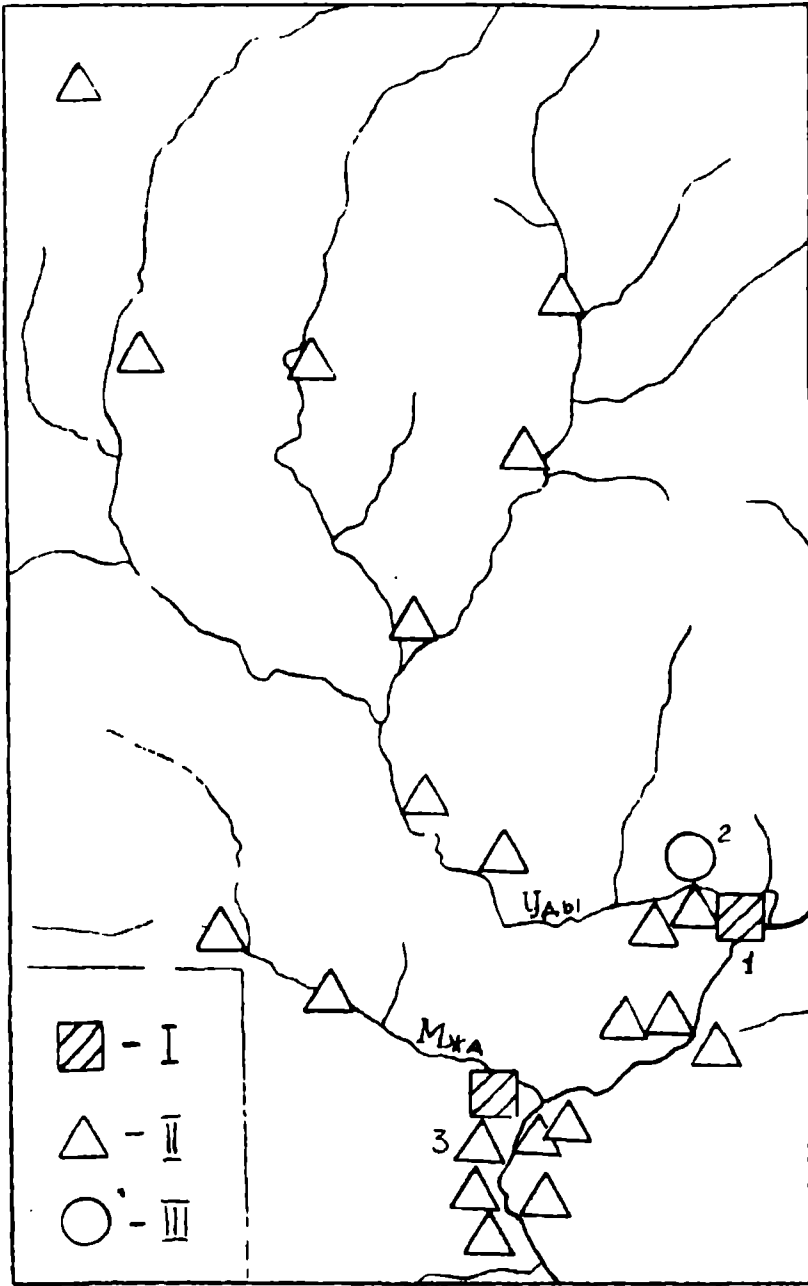

Рис. 2. Схема расположения памятников салтовской культуры в бассейне рек Уды и Мжи.
 I - городища, II - селища, III - могильник, 1 - Эсхар, 2 - Новая Покровка, 3 - Змиев

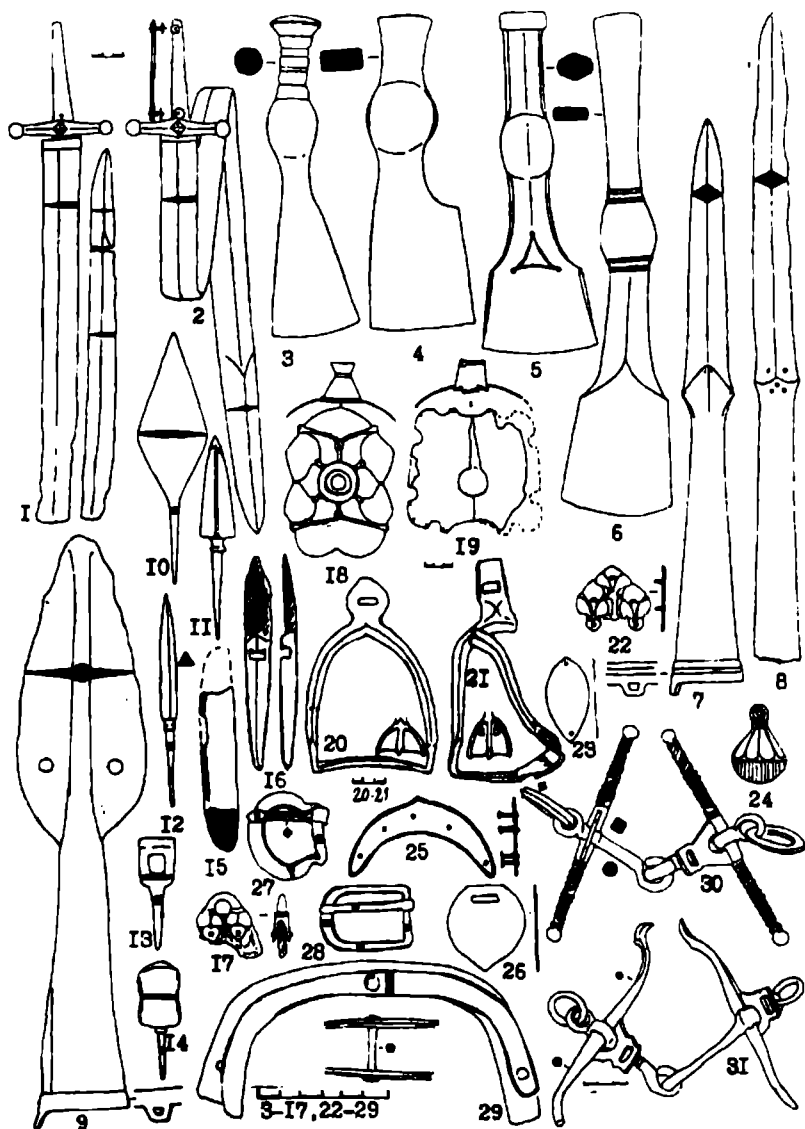

Рис.3. Оружие, снаряжение коня и украшения конской эбруи.

1, 2 – сабли, 3 - 6 - топоры, 7 - 9 – наконечники копий, 10 - 14 - наконечники стрел; 15, 16 – накладки на лук; 17 – петля от колчана; 18, 19 – начальники; 20, 21 – стремяна; 22, 23 - 26 – бляшки; 24 – бубенчик; 27, 28 – оковка луки седла; 30, 31 – удила. 1, 2, 7, 16 – 20, 23 - 31 – Красная Горка; 3, 4, 6, 9, 11, 15, 21 – Сухая Гомольша; 5, 12, 13 - Кочеток; 8, 10 - Лысый Горб; 22 - Пятницкое; 14 – Новая Покровка. 1 - 14, 20, 21, 27 - 31 – железо; 15, 16 – кость; 17 - 19, 22 - 26 – бронза.

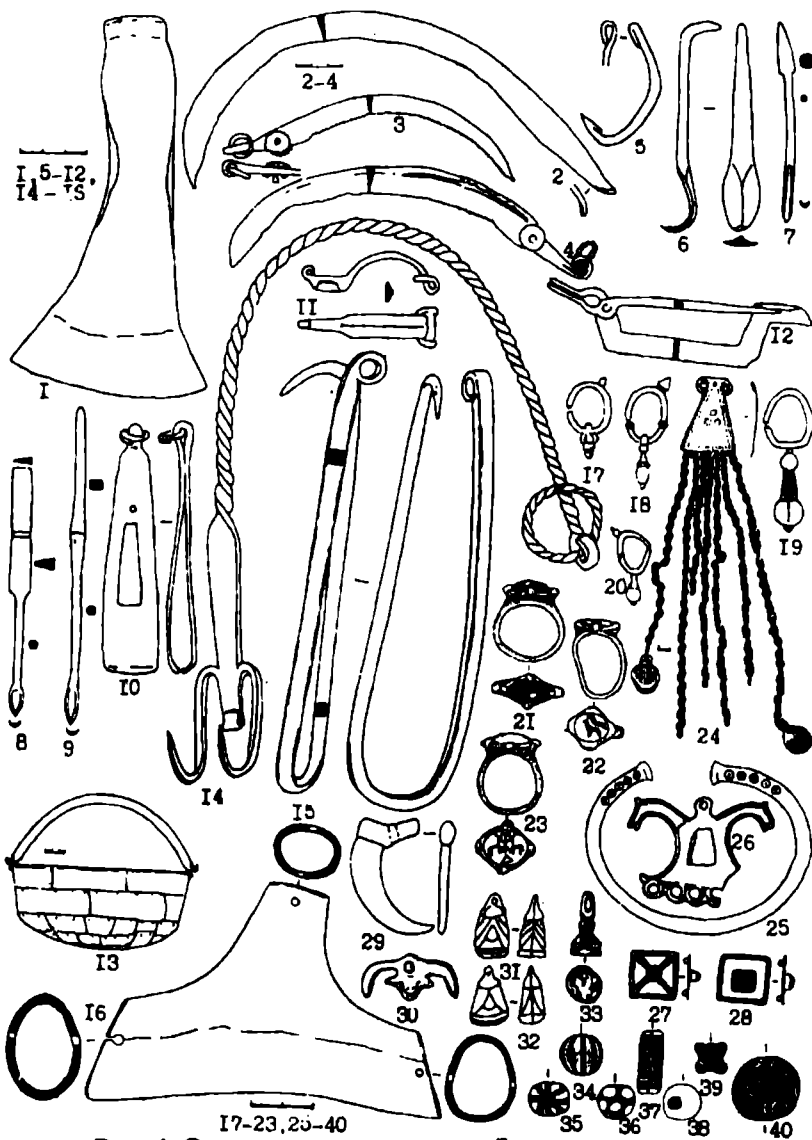

Рис. 4. Орудия труда, предметы быта и украшения.

1 - топор; 2 - 4 - серпы; 5 - рыболовный крючок; 6 - ложкорез; 7 - 9 - сверла; 10 - пинцет; 11, 12 - фибулы; 13 - котел; 14, 15 - вилки для доставания мяса из котла; 16 - горло бурдюка; 17 - 20 - серьги; 21 - 23 - перстни; 24 - шумящая подвеска; 25 - браслет; 26 - коньковая подвеска; 34 - 40 - колье; 29 - 32 - амулеты; 33 - подвеска-печатка; 34 - 40 - бусы. 1 - 11, 14, 21 - 23, 25, 33 - Сухая Гомольша; 12, 13, 15 - 20, 24, 26 - 32, 34 - 40 - Красная Горка. 1 - 15 - железо; 16 - кость; 17, 18, 20 - 26, 29 - 33 - бронза; 19 - серебро; 27, 28 - золото и цветное стекло; 34 - 40 - стекло.

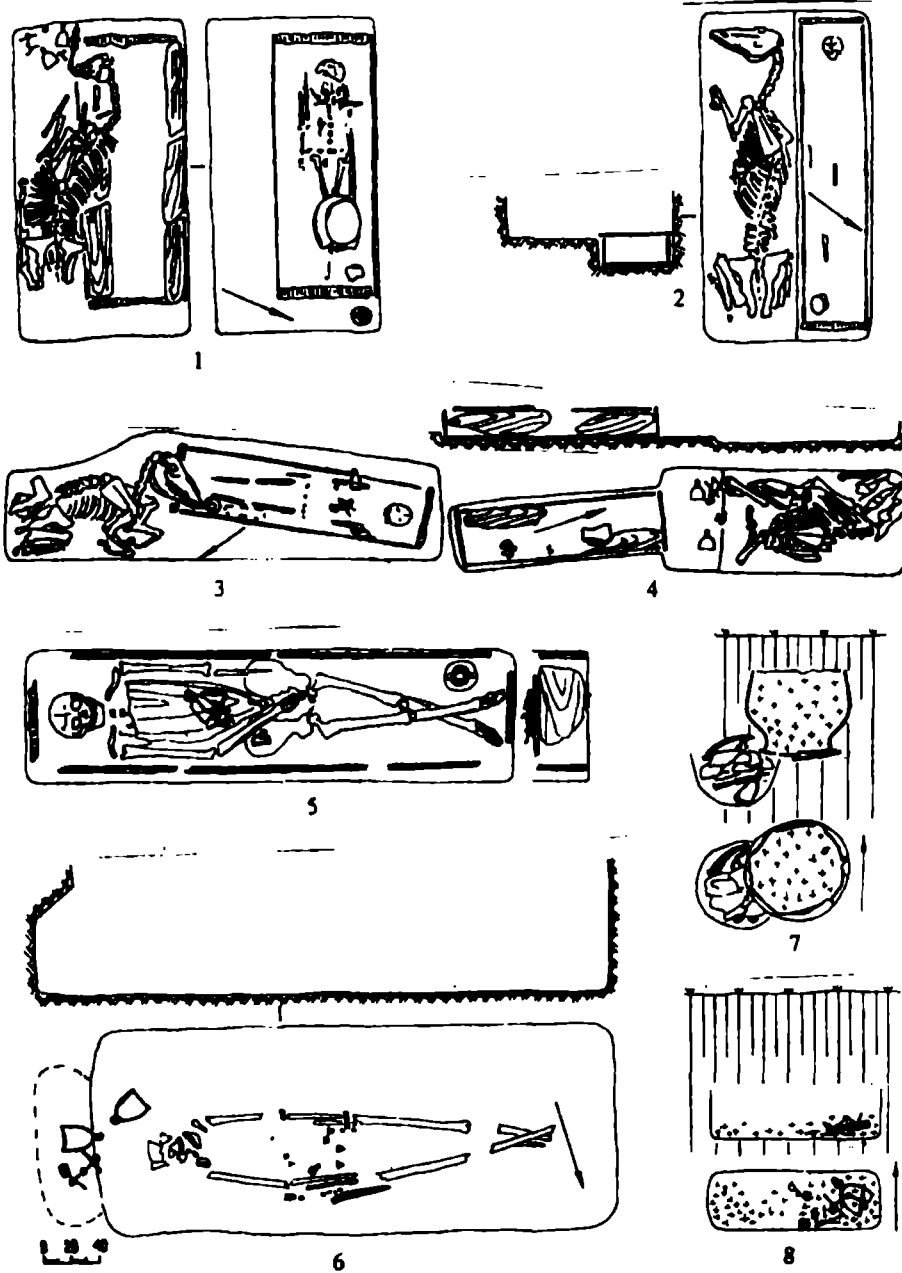

Рис. 5. Планы погребений с конями и конским снаряжением.
 Ингумационные погребения (1 - 6). Кремационные погребения (7, 8). 1 - 5 - Красная Горка; 6 - Нетайловка; 7, 8 - Сухая Гомольша.

Труположения совершались в ямах и гробах. Размеры могильных ям зависят от роста и, в свою очередь, от пола и возраста погребенных, наличия захоронения концы. Наибольшая их длина достигает 250 см, ширина 85 см, глубина 195 см. Несколько раз зафиксированы заплечики, т.е. опорные полочки в стенках ямы, на которые опиралось деревянное перекрытие могилы. Во всех случаях следы перекрытия прослеживались в виде кусков дерева. В некоторых могильных ямах дно было покрыто слоем коры или камыша.

Как правило, покойников хоронили с вытянутыми вдоль тулова руками и параллельно расположенными ногами. В особо богатых погребениях ноги покойника связывались. Несколько реже руки сгибали в локтях и скрещивали или складывали одна рядом с другой на животе умершего. Остатки мясной пищи в виде костей животных единичны. Столь же редко, судя по наличию сосудов, ставилось питье в горшках и сероглиняных кувшинах, ойнохоях крымского производства. Особый интерес вызывают захоронения одних человеческих голов, зафиксированные в четырех случаях.

Большая часть труположений совершалась в деревянных гробах, гробах-рамах и долбленых колодах, сделанных исключительно из дуба [Аксенов 2002а, 6 - 17]. В планиграфии могильника такие погребения не выделяются в отдельные группы и расположены вперемешку с труположениями в простых грунтовых ямах. Длина деревянных конструкций 95 – 227 см. Чисто условно можно считать, что в гробах до 150 см хоронили детей. В качестве подстилки иногда использованы древесный уголь и кора дерева. Крышки плоские, состоят из продольных плах. Положения погребенных в колодах довольно однообразно: все они лежат вытянуто на спине. Самое распространенное положение рук – скрещенное или рядом на животе, ноги перекрещены. В могилах с деревянными конструкциями встречались куски красно-бурого песчаника и охры. Остатки заупокойной мясной пищи очень редки.

До 40% погребений могильника составляют сожжения. Как отмечалось, они делятся на урновые и ямные (безурновые). В качестве урн использовалась бытовая керамика: лепные и гончарные горшки, редко кувшины. Урны зарывались на глубину 30 - 90 см устьем вверх. Иногда практиковалось покрытие урны обломками стенок амфор или другим сосудом, один раз металлическим котлом. Мелкие вещи находились внутри урн, среди обломков пережженных костей или под ними, а крупные – рядом с урнами.

В безурновых трупосожжениях кальцинированные кости и остатки погребального костра сыпаны на дно ямы глубиной 20 - 75 см. По форме они круглые, овальные и подпрямоугольные с закругленными углами. Границы их расплывчаты.

Интересно отметить одно очень важное обстоятельство, которое обращает на себя внимание. В целом ряде случаев наблюдается вторичное использование ямных могил с труположениями. В засыпке этих могил хоронили по обряду трупосожжения в ямке или урне. При этом повторное захоронение в виде трупосожжения не вело к разрушению стенок могильных ям потому, что точно знали, где находится могила ранее погребенного, а это возможно лишь при наличии надмогильного знака. Так могли хоронить только родственников [Аксенов 1999, 137 - 139]. Интересным является и одно совместное захоронение в деревянном гробу по обряду трупосожжения и труположения [Михеев 1990, 51].

Особые группы погребений составляют захоронения всадников с конем по обряду ингумации и кремации [Аксенов, Крыганов, Михеев 1986, 116 - 129]. Всего обнаружено

37 погребений. Они бывают различных типов и видов. Не вдаваясь в подробную классификацию этого материала, отметим лишь основные типы обеих групп погребений.

Погребения человека с конем по обряду ингумации (Рис. 5: 1 - 6). Тип 1. Захоронение коня совершено в могиле всадника. Имеется несколько видов этого типа погребений: целый костяк коня находится непосредственно над погребением всадника, рядом с всадником, в ногах хозяина. Тип 2. Погребения, в которых коня символизирует положенное в могилу конское снаряжение. Разными видами таких погребений можно считать те, где конская сбруя находится в грунтовой могильной яме рядом с погребенным: брошена в засыпку, лежит рядом с костяком, положена на гроб или деревянное перекрытие могилы. Тип 3. Погребения одних коней без захоронения человека, с инвентарем и без него. В литературе принято считать такие погребения кенотафами. Тип 4. Характеризуется разнесенными в пространстве захоронениями человека и коня при сохранении между ними логического единства, которое дополнялось иногда и общей связью погребального инвентаря.

Трупосожжения с конской сбруей (Рис. 5: 7, 8). Наблюдается два основных типа погребений этой группы: (тип 5) - ямный и (тип 6) - урновые.

Отмеченные типы конских захоронений очень важны для решения этногенетических вопросов. Они указывают на различные традиции и имеют самые широкие аналогии в Евразийской степи. Так, например, обряд погребений (с конем над погребением воина) восходит к предсалтовскому времени и может быть связан с первой волной проникновения болгарского населения в лесостепную зону Днепро-Донского междуречья во второй половине VII - VIII вв., а погребения с конем, расположенным рядом с всадником, вообще есть визитная карточка тюркоязычного населения всей территории евразийского пояса степей раннего и позднего средневековья. Погребения с нишами-подбоями не редкость на Северском Донце и принадлежат, видимо, смешанному тюрко-угорскому населению раннего средневековья.

Инвентарь в погребениях Красногорского могильника распределен неравномерно. Меньше всего он фиксируется в труположениях в простых ямах. Большое количество вещей дают погребения с деревянными конструкциями. Они богаче и разнообразнее. Много их в трупосожжениях, где по количеству и назначению вещей ямные могилы стоят наравне с урновыми. Особым обилием вещей отличаются конские захоронения, содержащие предметы снаряжения коня, оружие, орудия труда, бытовые предметы (Рис. 3: 2, 7, 16 - 20, 23 - 31; 4: 12, 13, 15 - 20, 24, 26 - 32, 34 - 40).

Относительно керамики следует заметить, что она является наиболее частой находкой. В набор сосудов входили кувшины, кружки, горшки. Особенно следует отметить привозные ойнохой крымского производства, характерные для погребений с конем (Рис. 6: 13, 14) [Аксенов, Михеев 1998, рис. 1; Аксенов, Михеев 2003, 179 - 191].

Более половины всех погребений (185) содержат различные украшения (Рис. 4: 17 - 20, 24, 26 - 32, 34 - 40). В захоронениях с правильным анатомическим порядком костей все украшения расположены в том порядке, в котором носились при жизни (кроме входящих в состав «дара», который, как правило, располагался возле ног, живота или сбоку у локтевого сустава, реже - у головы). Украшения из могильника Красная Горка превосходят богатством Сухогомольшанскую коллекцию в количественном и типологическом отношении, что отражено в таблице 1.

Наименование украшений	Сухая Гомольша	Красная Горка
I Серьги	27	123
II Бусы	1126	8336
III Браслеты	107	111
IV Перстни	30	104
V Кольца	4	5
VI Поясной набор:		
1. пряжки	3	10
2. бляшки	8	74
3. наконечники	1	4
4. распределители	1	12
VII Подвески-амулеты:		
1. зооморфные	15	4
2. геометрические	10	2
3. шумящие	-	1
4. маленькие зеркала	-	2
5. разные	5	62
а. металлические	26	23
б. из природного материала	4	48
VIII Предметы одежды:		
1. бубенчики	40	150
2. пуговицы	19	36
3. фибулы	33	6
4. привески	8	9
5. нашивки	-	12
IX Туалетные принадлежности:		
1. туалетные коробочки	18	4
2. копушки	6	20
3. ложечки	1	2
4. кисточки	-	2
5. «туалетные наборы»	-	2
6. пинцеты	14	7
7. зеркала	4	5
Всего:	1510	9276

Могильник у с. Червоная Гусаровка расположен на правом берегу р. Северский Донец рядом с обширным поселением салтовской культуры [Мухеев 1994, 194]. Общая вскрытая площадь за время раскопок 1993 – 1997 гг. составила около 1700 м². На этой площади исследовано 177 погребений, в том числе 1 кенотаф. Все они совершены в грунтовых ямах по обряду трупоположения. Прямоугольные в плане ямы расположены довольно правильными рядами, идущими с северо-запада на юго-восток. В площади раскопа обозначилось 13 - 14 рядов. Погребение находилось на глубине 0,85 – 1,65 м от уровня современной поверхности почвы. Размеры могил зависят от роста, пола и возраста погребенных. Могилы представлены простыми грунтовыми ямами, а также

могилами с заплечиками, перекрытыми деревянными плахами. Часть могил содержит деревянные гробовины, которые по существу являются деревянными обкладками у дна. Их можно отнести к гробам-рамам. Всего погребений с деревянными конструкциями более половины – 104.

Захоронения одиночные. Из антропологически определенных костяков 81 (49%) принадлежат мужчинам, 37 (22%) – женщинам и 49 (29%) – детям. При таком соотношении можно с уверенностью говорить об очень большой детской смертности. Имеются случаи нарушения и отсутствия отдельных костей скелета. Подсчетами, проведенными по показаниям азимута, установлено, что около 60% погребений приходится на позднюю осень или раннюю весну и 21% - на зиму.

Глиняные сосуды найдены в 151 могиле, как правило, в головах или у плеча погребенного и лишь в одном случае – в ногах. В четырех могилах находились стеклянные сосуды [Аксенов, Михеев 2000, 55 - 58]. Керамика относится к трем основным группам: кухонной, столовой, среди которой выделяется привозная посуда крымского производства: ойнохои, ойнохоевидные кувшины, чашки (Рис. 6: 1-12). Процент привозной посуды очень велик – 62% [Аксенов, Михеев 1998, 350]. Погребальный инвентарь по сравнению с материалами из Сухой Гомольши и Красной Горки довольно беден и представлен наборами скромных украшений и бытовыми предметами [Аксенов, Михеев 1998, рис. 4]. На общем фоне выгодно выделяются два уникальных воинских пояса с подвешенными к ним кожаными сумочками – каптаргаками, характерными для тюрок, и двумя ножами в одних ножнах и подвеской-печаткой (Рис. 7: 1, 2).

Во время раскопок селища бронзового века в начале 90-х годов на левом берегу Северского Донца у г. Балаклея в урочище «Лысый Горб» в различных его местах были вскрыты четыре салтовских погребения по обряду трупосожжения [Аксенов, Воловик 1999, 34 - 40]. Они находились на небольшой глубине от 0,3 до 0,95 м. Большие по площади ямы содержали как очищенные от остатков погребального костра кальцинированные кости человека, так и пережеванные человеческие кости впе-

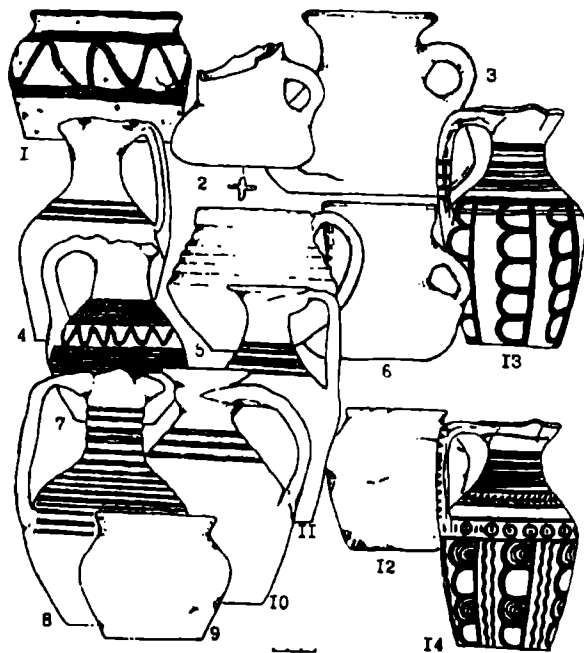

Рис. 6. Керамика из могильника Червоня Гусаровка (1 - 12) и Красная Горка (13, 14).

1, 11, 12 – лепные горшки, 2, 3, 6, 7 – лощеная парадная посуда; 4, 5, 8 - 10, 13, 14 – привозные сосуды.

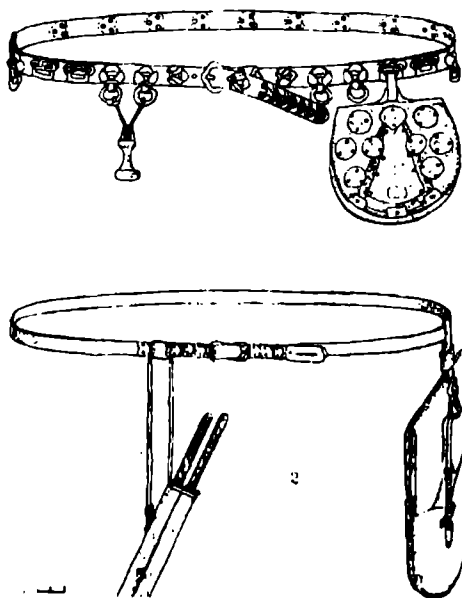

Рис. 7. Пояса из погребений могильника у с. Червоная Гусаровка.

1 - погребение №166; 2 - погребение №36.
Кожа, шелк и бронза.

ремешку с древесным углем и пеплом. По составу инвентаря можно заключить, что одно из погребений относится к женским захоронениям, а три — к захоронениям всадников (Табл. 2). Несмотря на большую вскрытую раскопками площадь, других погребений не было обнаружено.

Весь большой, полученный в результате стационарных раскопок материал лишний раз свидетельствует об этнической неоднородности салтовской культуры даже не на очень большой территории ее распространения при условии, что различные конструкции погребальных памятников и способы захоронения отражают этническую специфику. В то же время, различия в составе погребального инвентаря, прослеживающиеся как между различными могильниками, так и внутри них, позволяют уточнить характер социальной, а в некоторых случаях даже этносоциальной дифференциации населения, чего в данной статье мы не будем касаться, сосредоточив усилия на решении других вопросов.

Таблица 2.

№ № Погребений	Кальцинированные кости	Оружие				Сбруя коня					Ножи	Бусы	Фбулы	Прочие предметы	Фрагменты керамики	
		Сабли	Топоры	Копья	Стрелы	Удила	Стремена	Пращи	Фалары	Кольца						Бубенчики
1	+	1	1	2		1	2			1	1	1				+
2	+		1	1	2	2	2	2	2	2	1	1			+	+
3	+		1		2	1	1	4			1	1			+	+
4	+										1	16	1			+

Еще до недавнего времени было принято считать, что ямные труположения Северо-Западной Хазарии, сосредоточенные в грунтовых могильниках (Зливки, Нетайловка, Волоконовка), принадлежат болгарам. Этому вопросу большое внимание уделил Г. Афанасьев, подробно рассмотревший его в одной из своих монографий [Афанасьев 1987, 149 - 150]. Решающее значение он справедливо придает антропологическим показателям. Из них следует, что, несмотря на общность погребального обряда и единую культурную принадлежность, население таких салтовских могильников как Нетайловский и Волоконовский характеризуют различные морфологические типы: первый – салтовский долихокранный, второй – зливкинский брахикранный. Из этого делается вывод о том, что носители салтовской культуры в лесостепи в антропологическом отношении могли принадлежать к нескольким различным этническим общностям. Одна из них была близка к аланскому, другая – к онгуро-болгаро-хазарскому населению степей. Возражая Г. Афанасьеву, В. Флёров отмечает, что попытка новой этнической интерпретации ямных могильников не выглядит пока убедительной, и ссылается на сложность решения этой проблемы даже для одного могильника – Маяцкого. Он также указывает на несравнимость Верхне-Салтовского катакомбного могильника с Нетайловским ямным, имеющих разную, по его мнению, этническую основу. В подтверждение этого тезиса приводится то обстоятельство, что на Верхне-Салтовском могильнике присутствуют отдельные ямные погребения, а на Нетайловском катакомб нет совершенно. Соглашаясь с мнением Г. Афанасьева о наличии на ямных могильниках различных антропологических типов, В. Флёров повторяет тезис Д. Березовца о неоднородности самих болгарских племен [Флёров 1993, 38]. В связи с этим позволю себе отметить, что присутствие на катакомбном могильнике немногочисленных ямных захоронений и собственно ямные могильники – явления разного порядка. Что касается отсутствия катакомб на Нетайловском могильнике, следует заметить, что они там не должны быть хотя бы по одной причине – сыпучего песчаного грунта, в котором невозможно сооружение катакомб. Все, на что способны были салтовские землекопы в Нетайловке, так это сооружение ямных могил с подбоями (2,3%) [Жиронкина, Цитковская 1998, рис. 4]. Этим я не хочу сказать, что по этой причине катакомбные могильники вообще отсутствуют на левобережных песчаных берегах Северского Донца, а делаю ремарку по случаю. Анализ ситуации с ямными могилами на Верхне-Салтовском катакомбном привел О. Бубенка к убедительному выводу о том, что ямные погребения, как и катакомбы, были оставлены аланами и говорить о полиэтничности обитателей Верхнего Салтова не приходится [Бубенок 1999, 52 - 53]. Затем следует важный вывод, что конструкция погребальных сооружений не всегда является основным этномаркирующим признаком [Бубенок 1997, 57 и сл.].

Новый антропологический материал, полученный в результате раскопок могильников Красная Горка и Червоная Гусаровка, подвергался предварительному определению на кафедре фундаментальной медицины Харьковского государственного университета. Основной вывод исследователей сводится к тому, что этот материал характеризуют различные морфологические признаки: на самом южном могильнике у с. Червоная Гусаровка – долихокранность, а у с. Красная Горка, расположенном севернее, – брахикранный. Тщательное исследование остатков трупосождений у с. Сухая Гомольша таким крупным специалистом в своей области, каким является А. Малиновский, лишь в единственном случае указало на присутствие в составе погребенных лопано-

идного антропологического типа [Malinowski, Michejev 1981, 154].

Особо следует остановиться на трупосожжениях. Топографическое размещение таких могильников и количество погребений в них двояко. Одни из них расположены на второй надпойменной террасе правого высокого берега Северского Донца (Сухая Гомольша, Красная Горка, Кочеток, Вербовское), другие на дюнных возвышениях в поймах левых берегов рек: Северский Донец (Лысый Горб, Бондариха, Мохнач), Большая Бабка (Пятницкое), Уды (Новая Покровка), Оскол (Тополы). При этом, если на памятниках в поймах количество погребений и комплексов не превышает двух десятков, то на правом высоком берегу Северского Донца они исчисляются сотнями: Сухая Гомольша – 320 и Красная Горка – 121 погребение. Исключение составляют Кочеток и Вербовское, но эти памятники пока не исследованы и находки на них сделаны случайно. Еще одна особенность привлекает внимание. Могильники с многочисленными трупосожжениями расположены возле стационарных поселений – крепостей (Сухая Гомольша, Красная Горка). Случайно обнаруженные трупосожжения на правом берегу расположены возле городища (Вербовское) и обширного селища (Кочеток). Все пойменные трупосожжения расположены на стойбищах.

Аналогичная ситуация наблюдается и в топографии размещения ямных могильников с обрядом трупоположения. Пойменные содержат единичные захоронения, а правобережные многочисленные. Первые расположены возле стойбищ, вторые возле крепостей (Красная Горка) или стационарных поселений (Червоная Гусаровка). Исключение составляет Нетайловский могильник, но он занимает особое положение, так как входит в Верхне-Салтовский археологический комплекс, составляя его часть. Отмеченная топография и численное соотношение погребений не случайны и имеют прямое отношение к освоению хозяйственной территории и способу ведения хозяйства населением Северо-Западной Хазарии.

Грунтовые могильники с кремациями в простых земляных ямах или урнах характерны для всех культур лесостепной зоны с рубежа I тысячелетия н. э. до перехода славянского населения к подкурганному обряду захоронения в последней четверти этого же тысячелетия (зарубинецкая, киевская, черняховская, пражская, пеньковская, колочинская, волынцевская, роменская культуры). На могильниках этих культур встречаются все виды трупосожжений, известных в салтовской культуре. Однако ни в одной из названных культур неизвестны аналогии салтовским кремационным погребениям с конскими захоронениями и предметами вооружения, спрятанными в тайниках. Имеющиеся аналогии хорошо представлены в Прикубанье и прилегающих районах Черноморского побережья, типа погребений последней хронологической группы могильника Дюрсо и Борисовского могильника [Гавритухин, Пьянков 2003, 195 - 198, табл. 78; Дмитриев 2003, 203 - 205, табл. 87 - 92]. Исследования последних лет расширили круг открытых в Прикубанье погребений этого типа, так что встал вопрос о выделении этих памятников в особую Кубано-Черноморскую группу [Пьянков, Тарабанов 1996, 62]. В этом отношении безусловно права С. Плетнёва, высказавшая мысль, что в бассейне Северского Донца открыт новый этнос, «ранее нам не известный или «неосознанный», который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся вполне завершенной картину жизни Северо-Западной Хазарии» [Плетнёва 1990, 83]. Соотнесение кремационных погребений Прикубанья VIII - IX вв. некоторыми исследователями с касогами [Пьянков 2001, 205] позволяет предположить наличие представителей данного этноса

в верхнем Подонцовье. В адыго-абхазской среде предложил искать носителей кремационного обряда салтовского времени в бассейне Северского Донца и Г. Афанасьев [Афанасьев 2001, 53].

Изучение населения Северо-Западной Хазарии на всех этапах исторического исследования зависело от успехов археологии. Сейчас, как и прежде, на первый план выступает археологический материал, и от его осмысления в значительной степени зависит успешное решение поставленной проблемы, в данном случае, - каким образом формировалось население далекого от центра Хазарии региона – бассейна верхнего течения Северского Донца?

В одной из своих работ я старался показать, что Подонье в VIII – X вв. оказалось в сфере государственной жизни Хазарского каганата не в результате спонтанного, внутреннего развития. Государственность в этом регионе была насажена сверху, принудительным путем – расселением зависимой от хазар части аланского населения Северного Кавказа вдоль границ лесостепи [Мухөөв 1991]. Аналогичной точки зрения придерживался и известный хазаровед А. Гадло [Гадло 1994, 50 - 51]. Тот культурно-хозяйственный тип плужных земледельцев, который складывается в лесостепном Подонье в VIII – X вв [Мухөөв 1985], является не результатом седентаризационного процесса, а следствием принудительной миграции в этот район давно сформировавших свой земледельческо-скотоводческий хозяйственный облик обитателей предгорий Северного Кавказа – алан. В лесостепном Подонье не седентаризация определяла общую тенденцию социально-экономического развития края, а естественный процесс совершенствования земледельческо-скотоводческого хозяйства алан [Мухөөв 1991, 45].

Г. Афанасьев, глубоко исследовавший социальные структуры салтовского населения бассейна Среднего Дона, вполне убедительно классифицировал все салтовские селища Лесостепи на временные стоянки и долговременные поселения. Основным классом поселений Г. Афанасьев считает долговременные приречные селища на надпойменных террасах или берегах рек, так как топография их расположения отвечает комплексу традиционных требований, предъявляемых к местности при устройстве приречных селищ оседлым земледельческо-скотоводческим населением с древнейших времен до наших дней [Афанасьев 1993, 95 - 96].

Разбирая данный вопрос, уместно обратиться к хазарским аналогиям, содержащимся в письменных источниках. Из арабских источников видно, что в конце IX – начале X в. хазары занимались земледелием [Новосельцев 1990, 113] и у них было два вида пашен. Одни из них находились непосредственно возле поселений, другие разбросаны и удалены от места постоянного проживания на 20 фарсахов (приблизительно 120 - 140 км). Ибн-Русте прямо указывает: «Хазарский народ живет зимой в этих двух городах (части Итиля – В. М.), а с наступлением весны выходят в степь и не покидают её до приближения зимы» [Караулов 1903, 45]. Ал-Истахри отмечает: «При этом городе (Итиле – В. М.) нет сёл, а пашни их разбросаны. Летом они выходят на пашни приблизительно на 20 фарсахов в окружности для посевов, собирают хлеба частью над рекой, а частью в степи, и перевозят хлеба свои на повозках и рекою на судах» [Караулов 1901, 45]. Ему вторит Ибн-Хаукаль: «При этом городе (Итиле – В. М.) нет сёл, а есть только разбросанные пашни; летом все горожане выходят к своим посевам, посевы их находятся близко и в отдалении на 20 фарсахов. Они приезжают на повозках к реке или к месту вблизи города и переправляют то, что собрано у реки, на

судах, а из близких к городу мест на повозках» [Караулов 1908, 112]. Все это согласуется с еврейско-хазарской перепиской в X в. В краткой редакции ответного письма царя Иосифа еврейскому сановнику Хасдаю ибн-Шафруту сказано: «Мы живем всю зиму в городе, а в месяце Нисане выходим из города и идем каждый к своему полю и саду и к своей [полевой] работе» [Коковцов 1932, 85]. Этот же мотив подробно звучит в пространной редакции, где Иосиф описывает перекочевку вокруг своей страны с князьями и рабами, отмечая: «Таковы размеры нашей области и места наших стоянок» [Коковцов 1932, 102].

Отмеченные письменными источниками пашни у хазар представляли собой так называемые «отхожие поля». Они обрабатывались «наездом» и представляли отдельные участки, отдаленные от постоянного местожительства на различные расстояния. Такие поля имели место у азовских татар по Северскому Донцу, а у крымских – по Орели и Самаре [Барбаро 1971, 150; Герберштейн 1866, 153]. Они вообще характерны для полукочевников, которые часто старались соединить земледелие со скотоводством, быстро переходя от одного занятия к другому в зависимости от обстоятельств.

Салтовские потенциальные экономические зоны видны как при специальных исследованиях, так и при взгляде на карту. Салтовская земля осваивалась по берегам малых рек из крепостей, стоящих в центре экономических зон. Достаточно взглянуть на карту, например, бассейна рек Уды и Мжи, чтобы понять, что в центре их районов стояли городища у с. Эсхар и г. Змиев, а территория по рекам, занятая временными стоянками, составляла экономическую зону (рис.2). Такое положение наблюдается в бассейне Северского Донца повсеместно.

Какие исторические выводы можно сделать, учитывая весь имеющийся в нашем распоряжении материал?

Применительно к бассейну Северского Донца, как и ко всему Подонью, важно подчеркнуть одно важное обстоятельство. Его население состояло из различных этнических компонентов, оказавшихся здесь в разное время и при различных исторических обстоятельствах. Эти компоненты не являлись целостными этносоциальными организмами. Они представляли собой разрозненные части этнических общностей, формирование и функционирование которых до их включения в состав Хазарского каганата протекало в других политических и экономических условиях, а также на других территориях. Объединяющими для этих тюркоязычных, ираноязычных, угорязычных и славяноязычных компонентов, вместе составлявших довольно многочисленное население, послужили два фактора: восприятие одной и той же салтовской культуры, в создании которой, кроме того, многие из них принимали активное участие. Прямых свидетельств памятников о том, как и при каких обстоятельствах проходило освоение интересующей нас территории Северо-Западной Хазарии, нет. Исторический опыт образования сельскохозяйственных территорий показывает различные механизмы этого процесса. Если мы обратим внимание на положение археологических памятников, то сразу заметим, что они возникали исторически, путем постепенного движения населения по течению главной реки – Северского Донца. Это же просчитывается и на основе новейших методик археологического исследования. Поселения выходят за пределы берегов основной реки на её притоки первого и даже второго порядка, что свидетельствует об относительно большой плотности заселения района.

Хазарское правительство, видимо, прекрасно понимало необходимость укрепления

ния северо-западных границ своего государства, для чего здесь строится ряд крепостей, отгораживающих подданных каганата от славянского населения. Сам факт поселения на новом месте в иных климатических и почвенных условиях требовал от алан много жизненной энергии для того, чтобы приспособиться к ним и выстроить линию обороны.

В своих целях хазарское правительство старалось подчинить своему влиянию то население, которое пришло в лесостепь и проживало там гораздо раньше, чем оно само решилось предпринять постройку укреплений. Об этих первых жителях края нам известно очень мало.

Главными центрами расселения были крепости со своими посадами, и на них, видимо, прежде всего начиналась хозяйственная деятельность. Ведущее положение из них принадлежало Верхнему Салтову. Постоянными жителями этих крепостей были воины по профессии и земледельцы по занятию. На эти центральные поселения свозили результаты хозяйственной деятельности с тех хозяйств, которые были расположены на ближайших и, очевидно, дальних землях. Всадники-земледельцы распахивали эти земли «наездом», то есть какое-то время не имели на них никаких хозяйственных построек, приезжали только для выполнения сельскохозяйственных работ, увозили полученный урожай и уводили нагуленный скот в места постоянного жительства. Постепенно в таких землях появлялись отдельные погребения и небольшие могильники. Но было бы ошибочно утверждать, что только крепости служили неперенным этапом расселения, что селища возникали только путём выделения части постоянно проживающего в крепостях населения или только после появления укрепленных поселений, служивших им защитой. Конечно, какие-то селища VIII - X вв. возникали самостоятельно, независимо от крепостей, раньше или позже, или одновременно с ними, - смотря по месту и времени.

Литература

Аксенов В.С. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации салтовской культуры // Матеріали Міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)". - Дніпропетровськ, 1999. - С. 137 - 139.

Аксенов В.С. Раскопки Верхнесалтовского IV катакомбного могильника и могильника Красная Горка салтовской культуры // Археологічні відкриття в Україні 2000 - 2001 рр. - К., 2002. - С. 83 - 85.

Аксенов В.С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // Хазарский альманах. - 2002а. - Т. 1. - С. 6 - 17.

Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. - 1999. - №3 - 4. - С. 34 - 40.

Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. - К., 1996. - С. 116 - 129.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры степей Евразии второй половины

I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). - Самара, 1998. - С. 344 - 357.

Аксенов В.С., Михеев В.С. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. - 2003. - №5 - 6. - С. 179 - 191.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Скляний посуд з поховань салтівського могильника Червона Гусарівка на Харківщині // *Археологія*. - 2000. - №4. - С.55 - 58.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны в бассейне среднего Дона в VIII - X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). - Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. - М., 1987.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртского населения бассейна Среднего Дона. - М., 1993.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства // *РА*. - 2001. - №2. - С. 43 - 55.

Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро И. Контарини о России. - Л., 1971.

Бубенок О.Б. Етнічна належність ямних поховань Верхньосалтівського могильника // *Археологія*. - 1993. - №4. - С. 49 - 59.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI - начало XIII вв.) - К., 1997.

Гавритухин И.О., Пьянков О.В. Раннесредневековые древности побережья (IV - IX) вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV - XIII вв. - М., 2003. - С. 186 - 200.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X - XIII вв. - СПб., 1994.

Герберштейн. Записки о Московии. - СПб., 1866.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо - эталонный памятник древностей V - IX веков // Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV - XIII вв. - М., 2003. - С. 200 - 206.

Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.* - Самара, 1996. - С. 353 - 368.

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // *СМОМПК*. - 1901. - Вып. 29.

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // *СМОМПК*. - 1903. - Вып. 32.

Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX - X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // *СМОМПК*. - 1908. - Вып. 38.

Коковцов П.К. Европейско-хазарская переписка в X в. - Л., 1932.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // *МИА*. - 1958. - № 62. - С. 85 - 150.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // *МИА*. - 1961. - №104.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. - Харьков, 1985.

Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // *СА*. - 1986. - № 3. - С. 158 - 173.

Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе*. - Казань, 1990. - С. 45 - 52.

Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья - Приазовья в VIII - X вв. (Ч. 1) // *Археология славянского Юго-Востока: Материалы*

материалы к межвуз. науч. конф. - Воронеж, 1991. - С. 43 - 50.

Михеев В.К. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червоная Гусаровка // Древности 1994. - Харьков, 1994. - С. 194 - 195.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М., 1990.

Плетнёва С.А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. - 1960. - Вып. 79. - С. 3 - 20.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. - 1967. - № 142.

Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. - М., 1989.

Плетнёва С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. - 1990. - № 2. - С. 77 - 91

Пьянков А.В. Касоги - касахи - кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Выпуск 1. - Краснодар, 2001. - С. 198 - 213.

Пьянов А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. - Керчь, 1996. - С. 61 - 64.

Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. - Волгоград, 1993.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. - Харьков, 1962.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. - К., 1977.

Malinowski A., Michejew W. Suchogomolszanski zespól ozadniczy w swietle danych archeologii i antropologii // ZBBIIPS, seria antropologia. - 1981. - N 10. - S. 147 - 157.

